

На правах рукописи

Аблаева Азизе Талятовна

**КРЫМСКОТАТАРСКИЙ МИР
В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Симферополь – 2017

Работа выполнена на кафедре русской филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет».

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Эмирова Адиле Мемедовна

Официальные оппоненты:

Прохорова Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого Казанского (Приволжского) федерального университета.

Ветрова Марина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе.

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Защита состоится «___» декабря 2017 года в _____ ч. на заседании диссертационного совета Д 900.006.09, на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, 20 уч. корпус № 2 зал заседаний диссертационных Советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» <http://science.cfuv.ru/gosudarstvennaya-nauchnaya-attestaciya/dissertacionnye-sovety/dissertacionnye-raboty-d-900-006-09/ablaeva-azize-talyatovna>

Автореферат разослан «___» ноября 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

д.филол. н., доцент
Норец Максим Вадимович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность данного исследования связана с изучением различных форм межкультурного диалога, являющегося одним из наиболее активно и эффективно развивающихся направлений современной гуманитарной мысли. Основное внимание в работе сосредоточено на определенном аспекте диалога культур – особенностях изображения мира крымских татар в русской литературе XX и начала XXI веков.

В XX веке Крым для многих русских художников (А. П. Чехов, М. А. Волошин, И. С. Шмелёв, А. И. Куприн, С. Н. Сергеев-Ценский, А. С. Грин и др.) стал не просто притягательным экзотическим местом кратковременного пребывания, лечения и путешествий, но и местом проживания – «родным» миром, что способствовало и изменению соотношения «своего» и «чужого» при изображении крымских татар в их произведениях.

Объектом изучения является русская проза XX – начала XXI веков, в которой актуализирован и эксплицирован крымскотатарский мир. Это произведения разных жанров (очерки, рассказы, повести, романы, эпопея, автобиографическая и мемуарная проза), написанные в разные исторические периоды (1900 – 2000-е годы), А. И. Куприна, В. Г. Короленко, И. А. Бунина, И. С. Шмелёва, С. Н. Сергеева-Ценского, И. А. Козлова, И. З. Вергасова, С. К. Славича, Л. Е. Улицкой.

Большой объём литературного материала не позволил нам включить все произведения, в которых с той или иной степенью полноты изображается крымскотатарский мир. Поскольку интересующая нас проблематика ещё не привлекала внимание исследователей, на данном этапе своей приоритетной задачей мы сочли не столько обобщение всех имеющихся художественных произведений, объединённых крымскотатарской темой, сколько проработку её общих контуров.

Предмет исследования – художественная репрезентация крымскотатарского мира в русской прозе XX – начала XXI веков.

Цель исследования – изучение в аспекте диалога культур различных путей и особенностей изображения крымскотатарского мира в прозе русских писателей XX – начала XXI веков.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

- осмыслить сущность понятия «крымскотатарский мир», выявить его структурные элементы, его соотношение с понятиями «художественный мир» и «крымский текст»;
- обобщить и проанализировать литературный материал, в котором актуализирована крымскотатарская тематика;
- прояснить способы художественной репрезентации крымскотатарского мира в произведениях русских писателей XX – начала XXI веков;
- выявить соотношение концептов «своё» / «чужое» / «иное» при изображении крымскотатарского мира в анализируемых произведениях русских писателей;
- проследить связь идейно-художественных установок писателей и особенностей изображения крымскотатарского мира в их произведениях;
- выяснить, как изменялось изображение крымскотатарского мира в зависимости от времени создания анализируемых произведений, перипетий судьбы крымскотатарского народа;
- выявить хронотопические образы и мотивы, знаки-символы исторической памяти, а также пейзажные, этнографические образы, значимые для характеристики крымскотатарского мира.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- 1) впервые осуществляется попытка выявления, анализа и систематизации произведений русских писателей XX и начала XXI веков, в которых изображён крымскотатарский мир;
- 2) дано обоснование понятия «крымскотатарский мир» как изображённой художественной реальности, прояснено его соотношение с понятиями «художественный мир» и «крымский текст»;
- 3) продемонстрированы разные формы и способы художественной репрезентации крымскотатарского мира в произведениях русских писателей;
- 4) введены в научный оборот произведения, которые ранее в данном аспекте не анализировались;
- 5) выявлены разные формы культурного диалога (диалог сквозь время и

пространство, диалог-конфронтация, диалог-интеграция);

б) намечены различные теоретико-методологические подходы к изучению особенностей изображения крымскотатарского мира в литературе XX – начала XXI веков.

Структура работы определяется основной её целью и поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, пяти глав и библиографического списка, включающего 235 наименований художественной, теоретической и научно-критической литературы. В **первой главе** даётся обоснование теоретико-методологических основ исследования, его терминологического аппарата. Последовательность остальных глав, их логика обусловлены не только хронологическим принципом отбора материала, но и стремлением представить разные аспекты инациональной рецепции, разные формы межкультурного диалога. Во **второй главе** основным материалом изучения являются очерки и рассказы В. Г. Короленко и И. А. Бунина 1900-х – начала 1920-х годов, в которых проявилось стремление художников вписать крымскотатарский мир в контекст вечности. Анализ этих произведений в аспекте интересующей нас проблематики связан с прояснением авторской философии истории. В **третьей главе** на материале прозы А. И. Куприна, И. С. Шмелёва, С. Н. Сергеева-Ценского рассматривается сложное взаимодействие «своего» и «чужого» при изображении крымскотатарского мира, выясняются причины его деформации в 1910–1920-е годы. В **четвёртой главе** исследуются особенности отражения крымскотатарского мира в зеркале советской литературы 1940–1960-х годов. Ключевым аспектом изучения здесь является образ врага в контексте советского мифа. В **пятой главе** на материале произведений 1970–2000-х годов С. Славича и Л. Улицкой выявляется концептуальная роль крымскотатарской темы в постсоветской литературе.

Основными **методами исследования** в диссертации являются: биографический, культурно-исторический, герменевтический, структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный.

Теоретико-методологическую основу работы составили исследования, которые можно объединить в несколько групп: первую представляют труды по

различным аспектам диалога культур (М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. Библиера, Г. Д. Гачева, М. М. Гиршмана и др.); вторая группа – это работы, в которых раскрывается понятие «художественный мир», а также исследования по семиотике и поэтике, включая «семиотическое пространство», понятие «границы» и т.п. (Д. С. Лихачёва, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова); третью группу представляют современные исследования, посвящённые изучению советского мифа и его «героев»; четвертую – исследования, посвящённые изучению «крымского текста» русской литературы (А. П. Люсого, В. В. Курьяновой, С. О. Курьянова).

На защиту выносятся следующие положения:

1. На трактовку крымскотатарской темы русскими писателями определённое влияние оказывали различные факторы: историческая эпоха, когда создавались анализируемые произведения (в этом смысле время тоже является участником диалога писателя и художественно исследуемой им реальности); биографические факты, обуславливающие степень «вживания» писателя в крымскотатарский мир; творческая индивидуальность художника, его способность к постижению «чужого» мира либо как близкого («иноного» или даже как «своего»), либо как враждебного («чужого»); законы жанра.

2. Восприятие картины крымскотатарского мира русскими писателями в основном предполагает «иноописание», произведённое внешними наблюдателями, но поскольку многие из русских авторов, чьи произведения выбраны для анализа, связали свою жизнь и судьбу с Крымом, с его народами, это позволило им взглянуть на «иной» мир «изнутри», поэтому «иноописание» в их творчестве не исключает и «самоописания». Влюблённость в Крым, постижение культуры живущих здесь народов заставляет русских писателей болезненно воспринимать процесс нарушения целостности крымскотатарского мира, поглощение и декодирование культурных и нравственных ценностей крымских татар.

3. Особенности художественной репрезентации крымскотатарского мира в прозе русских писателей XX века позволяют выделить несколько форм культурного диалога, нередко взаимодействующих друг с другом:

– диалог сквозь время и пространство (у В. Короленко, И. Бунина, С. Славича

в повести «В поисках Киммерии»);

– диалог-конфронтация (подавляющее воздействие, превращение «чужого» во врага) в мемуарной прозе И. Козлова и – частично – И. Вергасова;

– диалог-интеграция (порождающее взаимодействие) – в произведениях А. Куприна, И. Шмелёва, С. Сергеева-Ценского, С. Славича, в романах Л. Улицкой.

4. В произведениях И. Бунина и В. Короленко 1900–1920-х годов крымскотатарский мир вписывается в координаты вечности, он неразрывно связан с древней историей Крыма, населявших его народов. Авторы воспринимают этот мир как звено в общей исторической цепи, уходящей в то далёкое прошлое, где размывается грань между реальностью и мифом. В основе сюжетов их произведений – ситуация «встречи» вечного (легендарного) и сиюминутного, способствующая пробуждению прапамяти.

5. В произведениях А. Куприна, И. Шмелёва, С. Сергеева-Ценского 1910–1920-х годов отражена драматизация взаимоотношений между «чужим» и «своим», являющаяся следствием проникновения в мир крымских татар чуждого им мировоззрения, уклада жизни, навязывания чуждой идеологии, разрушающей ценностную систему, основанную на толерантности в отношениях между народами и на тесной взаимосвязи человека и природы. В рассказе А. Куприна «В Крыму (Меджид)» это происходит в результате проникновения в крымскотатарский мир «профанного» мира «курортных гостей» в начале XX века, чему подчинена поэтика театральности, мотивы искусственности, лжи, связывающие мир крымских татар – проводников и пришлых людей. У И. Шмелёва («Голос зари», «Солнце мёртвых», «Няня из Москвы») и С. Сергеева-Ценского («Жестокость», «Гроза», «Прах Аджи-Османа», «Старый полоз») трансформация оппозиции «своё» / «чужое» проявляется через конфликт того, что несёт с собой советская власть, и того, что связано с ценностями мира, целостности, единства. Это конфликт органичного, корневого и бескорневого, веры и безверия, культуры и дикости, памяти и беспамятства. В результате крымскотатарский мир для русских писателей оказывается по одну сторону границы со «своим» и воспринимается как «иной», в то время как лежащий по другую сторону «культурной границы» мир сторонников новых порядков – как

варварский, дикий.

6. Мемуарные книги И. Козлова «В крымском подполье» (1947) и И. Вергасова «Крымские тетради» (1967) о Великой Отечественной войне в Крыму отражают эволюцию в трактовке темы крымских татар в литературе советского периода: от создания образа народа-предателя к осознанию неоднозначности этого образа и самой крымскотатарской темы. Если И. Козлов стремится обосновать правильность политики партии по отношению к крымскотатарскому народу, депортированному из родных мест, и образы крымских татар представлены у него исключительно в чёрном свете (как предатели, трусы, изменники), то книга И. Вергасова, хотя и она не чужда идеологических стереотипов, может быть воспринята как некая веха на пути нового открытия (после тотального запрета) крымскотатарского мира в советской литературе. Тем не менее и в том, и в другом произведениях граница, разделяющая два мира – «друзей» и «врагов», – четко прочерчена и определяется логикой военных лет – «кто не с нами, тот против нас».

7. В произведениях С. Славича и Л. Улицкой, ставших частью литературного процесса постсоветского времени, авторская позиция в художественном осмыслении крымскотатарской темы определяется стремлением восстановить страницы как древней, так и новой истории крымских татар, развеять миф о народе-предателе, противостоять беспомощности. Размышления о судьбе крымскотатарского народа становятся сквозной темой их творчества и звучат в произведениях разных жанров. У С. Славича эта тема неразрывно связана с проблемой исторической и культурной памяти. В романах Л. Улицкой – с «мыслью семейной», в её конкретном и в самом широком смысле, включающем духовное единение всех народов и всех людей перед лицом вечности. Каждый из авторов делает сюжетобразующим не только мотив нарушения целостности крымскотатарского мира, включённого в природный и исторический контекст, но и мотив восстановления разорванных связей.

8. В большинстве проанализированных произведений выражено стремление преодолеть чуждость «чужого», включить его если не в поле «своего», то в поле «иного» / «другого», привлекательного своей национальной самобытностью. Это

проявляется и в целом ряде хронотопических образов и мотивов, знаков-символов исторической памяти, а также пейзажных, этнографических образов: гор, деревень, городов, названия которых имеют крымскотатарское происхождение, мечетей, древних татарских кладбищ, яйлы, «столетнего ореха», «каменного столетнего водоёма», «старой татарской груши», мотив «загадочной тоски» как следствие разрыва культурной и исторической цепи, в которую был включён крымскотатарский мир, в очерковой дилогии В. Короленко, песня нищего татарина, позволяющая забыть о границах, разделяющих национальное и инонациональное, древность и современность в рассказе И. Бунина «Темир-Аксак-Хан», «голос зари» в восточной сказке И. Шмелёва, «старого полоза» в одноимённом рассказе С. Сергеева-Ценского, Киммерии («В поисках Киммерии» С. Славича), «зелёного шатра» в одноимённом романе Л. Улицкой и т.п.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что его основные положения и выводы позволяют уточнить и расширить имеющиеся представления о «крымском тексте» и его константах, о формах диалога культур, о творчестве писателей, чьи произведения являются предметом исследования.

Практическая значимость работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы в практике преподавания истории русской литературы XX – начала XXI веков, а также спецкурсов по изучению крымского текста, при написании пособий по русской прозе XX – начала XXI столетий, на факультативных занятиях по проблемам литературного краеведения, а также могут быть полезны при подготовке и актуализации экскурсионных путеводителей и маршрутов по Крыму.

Апробация работы. Отдельные разделы и текст диссертации в целом обсуждались на заседаниях кафедры русской филологии ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет». Основные положения исследования изложены в докладах, прочитанных на конференциях регионального, республиканского и международного уровней. Среди них Международный форум русистов Украины (г. Евпатория 2012–2015 гг.); Международный научный симпозиум «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (г. Саки, 2012–2013 гг.); Международная научно-практическая конференция

«Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения» (г. Севастополь, 2012–2015 гг.); III Международный тюркологический симпозиум «Прошлое – настоящее – будущее крымских татар» (г. Симферополь, 2012 г.); Международная научная конференция «Диалог культур в полиэтничном мире» (г. Симферополь, 2013, 2015 гг.); XXII Международная научная конференция «Язык и культура» имени Сергея Бураго (г. Киев, 2013 г.); XIX Крымские Международные научные чтения И. Л. Сельвинского (г. Симферополь, 2013–2014 гг.). Международная научная конференция «Современная филология: проблемы и перспективы», посвящённая 80-летию доктора филологических наук, профессора Адиле Мемедовны Эмировой (г. Симферополь, 2013 г.); ежегодные научно-теоретические конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов кафедры русской филологии Крымского инженерно-педагогического университета (2012–2014 гг.); V Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки XXI века» (г. Москва, 2015 г.); XIII Международный симпозиум «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (г. Симферополь, 2016 г.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная новизна работы, обозначаются её предмет и объект, формулируются цели и задачи исследования, определяются теоретическая и практическая значимость проведенного исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту, и сведения об их апробации.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования» состоит из трех параграфов. В первом – **«Понятие ”диалог культур”: основные теоретико-методологические аспекты»** – представлены позиции целого ряда учёных (М. Бубера, М. Бахтина, Ю. Лотмана, В. Библера, М. Гиршмана и др.), в трудах которых даётся обоснование понятия «диалог культур». Концептуально важными для данной диссертации являются прежде всего идеи М. Бахтина, которому и принадлежит идея диалога как бытия культуры.

В диссертации доказывается, что художественное осмысление русскими писателями крымскотатарского мира свидетельствует как об обретении ими «общего языка» с культурой другого народа (в прозе В. Короленко, И. Бунина, А. Куприна,

И. Шмелёва, С. Сергеева-Ценского, С. Славича, Л. Улицкой), так и о встраивании «внутри своего мира» искажённого образа «чужого», трансформирующегося в образ врага (в мемуарно-биографической прозе И. Козлова, частично – у И. Вергасова), выясняется, с чем это связано, что позволяет диалогу состояться, а что мешает этому и ведёт к деформации образа «другого». В параграфе **1.2. Соотношение понятий «крымскотатарский мир» и «художественный мир»** предпринята попытка дать определение понятия «крымскотатарский мир» через определение другого явления – «художественный мир». Понятие «крымскотатарский мир» рассматривается как изображённая художественная реальность, отражающая авторскую позицию по отношению к крымскотатарскому народу, его истории и культуре, представляющая собой неотъемлемую часть художественного мира отдельных произведений и служащая объединяющим началом для целого ряда текстов, в которых воплощаются различные аспекты крымскотатарской тематики. В параграфе выделены следующие составляющие понятия «крымскотатарский мир»: а) целостность, обладающая сложной структурой, со своим «социальным устройством», системой нравственных ценностей, особыми отношениями между героями и природной, бытовой, духовной, культурной средой; б) способность взаимодействовать с другими мирами; в) пространственно-временная структура, семантика «границы»; г) «миры сознаний» героев, живущих в этом мире и на границе с ним.

В третьем параграфе первой главы **«Соотношение понятий “крымскотатарский мир” и “крымский текст”»** даётся анализ работ исследователей «крымского текста» русской литературы (А. П. Люсого, В. В. Курьяновой, С. О. Курьянова), на основании чего делается вывод, что крымскотатарский мир представляет собой его органическую часть, без которой это системное образование было бы неполным. Он актуализирован практически во всех инвариантах «крымского мифа». Особенно значимо присутствие крымскотатарского мира в его «восточном инварианте».

Во второй главе **«Философские аспекты художественного осмысления крымскотатарского мира в прозе В. Г. Короленко и И. А. Бунина 1900-1930-х годов»** доказывается, что интерес русских писателей к крымскотатарскому миру

часто сопрягается с философскими размышлениями о связи истории и современности, о соотношении вечного и сиюминутного, этнического и общечеловеческого, природы и цивилизации. Материалом изучения в данной главе является проза 1900-х – начала 1920-х годов В. Г. Короленко и И. А. Бунина – писателей, чьё творчество отличают философская глубина, интерес к культуре разных народов, любовь к крымской земле.

Вторая глава состоит из двух параграфов. В первом **«Крымскотатарский мир в свете авторской философии истории в очерковой диалогии В. Короленко “В Крыму”»** анализируются очерки «Емельян» и «Рыбалка Нечипор». Крымскотатарский мир здесь вписывается в координаты вечности, он неразрывно связан с древней историей Крыма, населявших его народов. Автор воспринимает этот мир как звено в общей исторической цепи, уходящей в то далекое прошлое, где размывается грань между реальностью и мифом. Стремление реконструировать «воображаемое иное», найти свидетельства его присутствия в настоящем, оживить память о нём определяет сюжет каждой из частей очерковой диалогии «В Крыму», позволяет понять связь между ними. Иной мир оживает в древних татарских легендах и преданиях. В процессе его реконструкции В. Короленко делает акцент не на вражде русских и татар, а на вечно повторяющемся сюжете. История предстаёт как вечный круговорот вражды, когда человеческие жизни приносились в жертву чьим-то интересам, и неважно, были ли это гетуэзцы, татары или метридатовы понтийцы.

В параграфе **2.2. Ситуация «встречи времен» в прозе И. Бунина: к вопросу о диалоге культур** анализируются отдельные фрагменты автобиографического романа «Жизнь Арсеньева» и рассказы «Темир-Аксак-Хан», «Ущелье». Установлено, что крымскотатарская тема в творчестве писателя претерпела определённую эволюцию: от отдельных этнографических наблюдений за жизнью «другого» народа в романе «Жизнь Арсеньева» до философской рефлексии по поводу «иного», позволяющей актуализировать мотив прапамяти в миниатюре «Ущелье» и в рассказе «Темир-Аксак-Хан».

В третьей главе **«Взаимодействие “своего” и “чужого”:**

крымскотатарский мир в прозе А. И. Куприна, И. С. Шмелёва, С. Н. Сергеева-Ценского 1900-1920-х годов» показано, как русская проза отразила проникновение в полиэтническое пространство Крыма, в мир крымских татар чуждого мировоззрения, уклада жизни, как происходило навязывание чуждой идеологии, разрушающей ценностную систему, основанную на толерантности и взаимопонимании, на тесной взаимосвязи человека и природы.

Глава разделена на три параграфа. В первом **«Деформация крымскотатарского мира как следствие вторжения «чужого» (на материале рассказа А. Куприна “В Крыму (Меджид)”»** высказывается предположение, что интерес А. Куприна к крымскотатарскому миру «подпитывался» творимым им самим мифом о его татарских предках, поэтому он считал этот мир «своим». В рассказе отражён объективный взгляд человека, способного воспринять другую культуру как свою, и, напротив, увидеть в «своём» чуждое, профанное. Здесь, с одной стороны, критически представлены нравы русской публики, приехавшей в Крым в поисках острых ощущений, в числе которых романы с местными татарскими проводниками, а с другой – авторское внимание сосредоточено на психологических процессах, связанных со взаимодействием «своего» и «чужого» в этническом сознании крымских татар, происходящих в результате вторжения «крымских гостей».

Параграф **3.2. Трансформация оппозиции «своё» – «чужое» в «крымских» произведениях И. С. Шмелёва** посвящён анализу трёх произведений писателя – литературной сказки «Голос зари», эпопеи «Солнце мёртвых» и романа «Няня из Москвы». В трактовке крымскотатарской темы обнаруживается преемственная связь, существующая между этими произведениями. Она основана на концепции всеединства, на размывании границ между «своим» и «иным». В каждом из этих произведений писатель изображает крымскотатарский мир с разных точек зрения: в восточной сказке – как бы изнутри этого мира, в «Солнце мёртвых» – с точки зрения автобиографического героя-повествователя, сроднившегося с крымской землей; в романе «Няня из Москвы» преобладает иная (русская) точка зрения. Основная идея литературной сказки «Голос зари» – сохранение «Закона в душе», позволяющего преодолеть разобщенность, вражду и злобу. В этом произведении писатель видит

родство христианских и исламских законов, поскольку и те, и другие учат человека добру. В «Голосе зари» берут своё начало многие образы, мотивы эпопеи «Солнце мёртвых». Одновременно здесь происходит трансформация взаимоотношений «своего» и «чужого». Крымскотатарский мир для автобиографического повествователя стал своим. В его памяти оживают картины былого благополучия добольшевистского Крыма, татарские обычаи, традиции, национальная кухня. В этом он видит знаки устойчивости бытия. В эпопее звучит мотив вины интеллигенции за «мировой пожар» революции, который привел к одичанию, крови, тотальному разорению. Трансформация оппозиции «своё» / «чужое» проявляется здесь через конфликт того, что несёт с собой новая советская власть, и того, что связано с ценностями мира, целостности, единства. Это конфликт органичного, корневого и бескорневого, веры и безверия, закона и беззакония, культуры и дикости.

В романе «Няня из Москвы» картина мира ограничена кругозором героини, которая не воспринимает крымскую землю как свою, поэтому обычаи, традиции, быт, система ценностей крымских татар ей тоже чужды. Однако Шмелёв прослеживает процесс трансформации её взглядов. Вначале она чётко разделяет мир на свой (православный) и чужой (мусульманский). Но благодаря тому, что главным критерием оценки для няни являются ценности дома, любовь и преданность своей воспитаннице, её понимание, кто свой, а кто чужой меняется. Те, в ком она видела защитников православной веры, оказались врагами, разрушающими традиционные ценности, а те, в ком няня видела врагов, – преданными друзьями, хранителями нравственных ценностей, близких и понятных ей самой.

Параграф 3.3. Конфликт «своего» и «чужого» как объект изображения в «крымских» рассказах С. Н. Сергеева-Ценского 1920-х годов. Образы крымских татар и в качестве главных героев, и как эпизодические персонажи присутствуют во многих произведениях С. Сергеева-Ценского («Валя» (1913), «Жестокость» (1922), «В грозу» (1921), «Прах Аджи-Османа» (1927), «Старый полоз» (1928)). В них выражен объективный взгляд писателя-реалиста, исследующего нравственные последствия революции и гражданской войны. С. Сергеев-Ценский, как и И. Шмелёв, не стремится дать политическую оценку событиям гражданской войны, в его прозе

выражена позиция гуманиста, которого не может не возмущать взрыв насилия, когда жестокость каждой из противоборствующих сторон лишь умножает другую. В этом плане особенно показательна повесть «Жестокость». В своих героях-комиссарах С. Сергеев-Ценский представил определённые социально-психологические и национальные типы. Среди комиссаров особо выделялся крымский татарин – хозяин здешних мест. Писатель включает в повествование о его детстве предание о могиле татарского святого. Оно привносит трагическую ноту и предвещает участь героев повести. Родная земля не спасла татарина. Всех комиссаров в итоге ждала общая судьба. Так писатель показывает, как одна жестокость порождает другую.

В произведениях С. Сергеева-Ценского изображаются не только отдельные образы крымских татар, но и крымскотатарский мир как культурно-историческая целостность. К их числу относятся рассказы «Старый полоз» и «Прах Аджи-Османа». Часто встречающийся в татарских преданиях и сказках образ старого полоза, вынесенный в заглавие первого из них, так же, как и образ текие (часовни), где покоится прах святого Аджи-Османа, во втором, являются воплощением связи далёкого прошлого и настоящего, мифа и реальности. Драматизм в развитии действия определяется в рассказах вторжением «чужого» в патриархальный мир крымских татар.

Произведения «крымского цикла» И. Шмелёва и С. Сергеева-Ценского демонстрируют трансформацию оппозиции «своё» / «чужое». Крымскотатарский мир для русских писателей оказывается по одну сторону границы со «своим» и воспринимается как «иной», в то время как лежащий по другую сторону «культурной границы», а точнее, вне всякой «границы», мир сторонников новых порядков – как варварский, дикий.

В четвёртой главе «Крымскотатарский мир в зеркале советской литературы» основным материалом исследования являются произведения социалистического реализма, для которого характерно резко контрастное видение мира, чёткое разграничение на «своих» (героических строителей коммунизма) и «чуждых» (врагов, вредителей), мешающих этому строительству. Этому всячески способствовала советская пропаганда, призывавшая к поиску врагов народа. Глава

состоит из двух параграфов. Первый из них **«Образ врага как необходимая составляющая тоталитарного дискурса»** носит вводный характер. Основная задача данной главы – показать, как одновременно с изменением курса партии по вопросу о депортированных народах изменялся и подход к изображению образов татар в русской мемуарной и автобиографической прозе 1940–1960-х годов.

Параграф **4.2. «Изображение крымских татар в мемуарно-биографической прозе 1940–1960-х годов о Великой Отечественной войне»**. В данном параграфе рассмотрены два произведения документально-мемуарного жанра, написанных участниками подпольного и партизанского движений, – «В крымском подполье» (1947) И. А. Козлова и «Крымские тетради» (1963-1967) И. З. Вергасова. Каждое из них не просто выражает авторскую позицию, но и несёт на себе печать своего времени: сталинской эпохи и периода оттепели.

Параграф состоит из двух частей, в первой (**«Образ народа-врага: официальная версия»**) рассматривается книга И. Козлова «В крымском подполье». Она представляет интерес, прежде всего, как одно из первых произведений, в которых выражена официальная версия событий, происходивших в Крыму в годы фашистской оккупации. Неслучайно её автором является член Крымского обкома партии, привыкший сверять свою точку зрения с официально признанной. И. Козлов стремится обосновать правильность политики партии по отношению к крымскотатарскому народу, депортированному из родных мест, поэтому образы крымских татар представлены у него исключительно в чёрном свете, как враги, пытающиеся помешать борьбе советских людей с фашистами. Эти мемуары являют собой пример манипуляции коллективной памятью, когда происходит целенаправленная деформация представления об определённых событиях и лицах.

В подпараграфе **4.2.2. «Свой» \ «чужой»: изображение крымскотатарского мира в «Крымских тетрадях» И. З. Вергасова** эта книга рассматривается как веха на пути нового открытия (после тотального запрета) крымскотатарского мира в советской литературе. В «Крымских тетрадях» встречается множество татарских топонимов. Все они в воспоминаниях мемуариста связаны с партизанским прошлым автора, с памятью о боях, поражениях и победах, о потерях и

предательстве. Всё же следует признать, что «Крымские тетради» не свободны от идеологических штампов, в них тоже порою проявляется стереотипное представление о ненадёжности крымских татар, об их готовности в сложной ситуации перейти на сторону врага.

Пятая глава «Художественное осмысление судьбы крымскотатарского народа в постсоветской прозе (на материале произведений С. Славича и Л. Улицкой). Выбор из числа современных авторов именно этих двух писателей определяется тем, что в их творчестве интересующая нас тема является сквозной.

Параграф 5.1. «Печальник татарского Крыма» Станислав Славич: формы художественного осмысления «чужого» как «иного» разделён на три части. В них рассматриваются разножанровые произведения С. Славича, написанные в разное время, но объединённые общей темой – судьба крымскотатарского народа. **Подпараграф 5.1.1. «С. Славич “В поисках Киммерии”: крымскотатарский мир в цепи времен»** посвящён анализу его очерковой книги, впервые опубликованной с существенными цензурными изъятиями в журнале «Новый мир» в 1969 году. Судьба крымских татар представлена здесь как неотъемлемая часть древней истории Крыма. Отбор документального и жизненного материала, сюжет, характер авторских публицистических отступлений определяет историческая память. С. Славич стремится противостоять беспамятству. Крымскотатарский мир оживает у него и в многочисленных географических наименованиях, и в древних крымских легендах о гигантском змее, и в рассуждениях об этимологии местных названий.

Анализу рассказов писателя, посвящённых разоблачению мифа о народе-предателе, посвящён **подпараграф 5.1.2. «Распад связи: трагедия депортации крымских татар в малой прозе С. Славича».** Материалом изучения здесь в основном являются четыре рассказа, опубликованные в 1993 году, в канун трагической даты – 50-летия со времени депортации из Крыма татар и других народов: «Бесибе», «Молодёжный абонемент», «В порядке партийной дисциплины», «Возвращение». В их основе – подлинные факты, судьбы людей, с которыми автор был лично знаком. И одновременно каждый рассказ представляет собой художественное обобщение. Несмотря на то, что основная тема рассказов С. Славича

связана с расколом, происходящим в семье народов, общий пафос этих произведений, как и всего творчества писателя, определяется идеей единения.

С. Славич один из первых затронул и непростую тему возвращения крымских татар на родину. Особенности ее интерпретации рассматриваются в подпараграфе **5.1.3. «Восстановление духовной и исторической памяти: рассказ С. Славича “Молитва”»**. В основе сюжета этого произведения, написанного в 1969 году, – пробуждение религиозного самосознания молодого поколения крымских татар, выросших вдали от Крыма, знавших о трагедии депортации лишь со слов своих близких. Рассказ строится на взаимодействии мотивов истинной и мнимой веры, истинного и мнимого единения. Через целый ряд деталей раскрываются двоемыслие, девальвация ценностей советской эпохи.

Параграф **5.2. «Особенности изображения крымскотатарского мира в прозе Людмилы Улицкой»** посвящён анализу трёх романов писательницы: «Медея и её дети» (1996), «Зелёный шатёр» (2011), «Лестница Якова» (2015). В каждом из них крымскотатарская тема неразрывно связана с важнейшей в творчестве Л. Улицкой темой дома и семьи. Этот параграф тоже разделен на три части. В первой (**5.2.1. «Мотив разрушенного и обретенного дома в романе Л.Улицкой “Медея и ее дети”»**) показано, какую роль крымскотатарские реалии играют в создании образа дома главной героини произведения.

Крымскотатарская тема в романе воплощается через мотивы исторической и родовой памяти, восстановления разорванных связей. В этом плане значима сюжетная линия Равиля Юсупова, который в итоге и становится своеобразным преемником Медеи, одним из выразителей идеи родства. Эта сюжетная линия как бы окольцовывает роман. Его история неразрывно связана с историей Крыма. Незнакомый молодой человек, постучавшийся ночью в дом Медеи, сам представлен как член большой семьи и одновременно подчёркивается его связь с семьей главной героини. В этом плане символично, что Медея, как сообщается в эпилоге, завещала свой дом именно Равилю. Решение завещать свой дом татарину Равилю проникнуто «пафосом восстановления и поддержания естественного порядка».

В подпараграфе **5.2.2. «Крымскотатарская тема в художественной**

структуре романа “Зелёный шатёр”» показано, как в темы и мотивы раннего творчества Л. Улицкой получают своё развитие. Крымскотатарская тема связана с размышлениями о времени, о судьбе поколения, о соотношении вечного и сиюминутного. Наиболее очевидно она проявляется через сюжетную линию одного из главных героев романа Михи Меламида, который чужие беды воспринимал как свои собственные. В романе Л. Улицкой впервые в русской литературе приводятся конкретные факты, отражающие масштаб трагедии депортации крымских татар. И хотя крымскотатарский сюжет завершается уходом Михи из жизни, финал этой истории не только трагичен: реакция на его смерть ещё раз продемонстрировала торжество духовной солидарности людей разных наций и вероисповеданий.

В подпараграфе 5.2.3. «Крымскотатарский мир в романе Л. Улицкой “Лестница Якова”» внимание в основном сконцентрировано на анализе тех глав романа, в которых актуализирован крымскотатарский мир. В письмах одной из главных героинь романа Маруси Осецкой, приехавшей с сыном в Судак в июле – августе 1925 года, Крым предстает как райское место. Письма героини полны восхищения природой полуострова и населявшими его татарами. Она даже называет Крым Татарией, то есть страной татар, как именовали полуостров в древности. Мария практически сразу называет крымских татарок своими сёстрами, ей кажется, что в этом райском месте все братья и сестры друг другу. Она восхищается их гостеприимством, хлебосольством, радушием, приветливостью и чувством собственного достоинства, присущим крымским татарам.

Всё творчество Л. Улицкой пронизывает «мысль семейная», неудивительно, что ее героиня, не зная языка, ощущает родство с женщинами-татарками, их сближают сходные материнские чувства. Однако в дальнейшем время с его политическими страстями всё же поглощает и мысли, и чувства героини, не давая ей остаться наедине с вечностью. Крымский рай останется для Марии в прошлом.

Символично и то, что именно в своём последнем романе Л. Улицкая концентрирует внимание не на трагедии депортации крымских татар, не на мучительном пути народа к возвращению на родину, а на том времени, когда целостность крымскотатарского мира была ещё не нарушена и когда этот мир

открыто и гостеприимно принимал всех, кто готов был стать частью этого единства. Это можно воспринять как гармоничное завершение крымскотатарского мотива, являющегося в прозе Л. Улицкой сквозным.

В **Заключении** сформулированы основные результаты проведенного исследования.

На характер репрезентации крымскотатарского мира в произведениях русских писателей оказали влияние следующие факторы:

1) историческая эпоха, когда создавались анализируемые произведения (в этом смысле время тоже является участником диалога художника и воссоздаваемой им художественной реальности);

2) биографические факторы, определяющие степень вживания писателей в крымскотатарский мир, характер понимания его;

3) творческая индивидуальность художников, их идейно-эстетические, философские взгляды, степень открытости постижению «чужого» мира либо как близкого («другого», «иноного» или даже как «своего»), либо как чуждого, враждебного;

4) законы жанра анализируемых произведений.

Характер репрезентации крымскотатарского мира во многом определяется принципами культурного диалога, поскольку, как показал анализ, диалог русских писателей с «другим / иным» миром, как правило, подключает и других «участников» (то есть другие тексты), которые взаимодополняют и обогащают друг друга. Этот вид диалогичности проявляется через авторскую культурную рефлексию, а также через разнообразные интертекстуальные связи как с миром античности, так и с миром восточной и русской культуры. В этом отношении показательны произведения писателей и начала XX века, таких, в частности, как В. Короленко, И. Бунин, И. Шмелёв, и конца его («В поисках Киммерии» С. Славича, например). В итоге благодаря этой «логике взаимодействия и взаимообогащения», крымскотатарский мир в произведениях русских писателей оказывается вписан в широкий культурный контекст.

Говоря о перспективах исследования, следует, прежде всего, рассмотреть

возможность разработки понятия «крымскотатарский свертхтекст». Уже сейчас можно сказать, что этому способствует ряд признаков. Необходимо расширить круг анализируемых произведений, обратившись к романам: «Зверь из бездны» Е. Чирикова, «О, юность моя» И. Сельвинского, «Первый выстрел» Г. Тушкана, «Остров Крым» В. Аксёнова, «Река Хронос» К. Булычёва. Наконец, ещё одним перспективным направлением анализа, который позволит представить «самоописание» национального мира, может служить творчество русскоязычных крымскотатарских писателей (Э. Амида, Э. Умерова, Ш. Алядинова). В определённой степени мы уже начали эту работу в некоторых своих публикациях, её необходимо продолжить.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК

1. Аблаева А. Т. Автобиографизм как характерная особенность поэтики романа И. Сельвинского «О, юность моя!» / А. Т. Аблаева // Вопросы филологии. – 2014. – № 1. – С. 103–108.

2. Аблаева А. Т. «Чужая земля, татарская»: крымскотатарский мир в творчестве И. С. Шмелёва / А. Т. Аблаева // Вестник Удмуртского университета. Серия «Филология и История». – 2016. – Т. 26, вып. 2. – С. 19–22.

3. Аблаева А. Т. Соотношение “своего” и “чужого” в изображении крымскотатарского мира (на материале рассказа А.И. Куприна “В Крыму (Меджид)”) / А. Т. Аблаева // Ученые записки Казанского университет. Серия «Гуманитарные науки». – 2017. – Т. 159, кн. 1. – С. 43–55.

Научные статьи и материалы, опубликованные в других изданиях

4. Аблаева А. Т. *Крымский текст* в русской литературе начала XX века в имагологическом аспекте (на материале произведений И. С. Шмелёва и В. Г. Короленко) / А. Т. Аблаева // VI Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных статей. – Севастополь : Гип пак, 2012. – С. 148–156.

5. Аблаева А. Т. Крымскотатарский мир в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы» (имагологический аспект) / А. Т. Аблаева // Культура народов Причерноморья. Вып. 221. – 2012. – С. 169–171.

6. Аблаева А. Т. *Своё и чужое* в крымском тексте В. Г. Короленко (на материале рассказа «В Крыму») / А. Т. Аблаева // Вопросы русской литературы : межвузовский научный сборник. Вып. 22 (79). – Симферополь : Крымский Архив, 2012. – С. 30–36.

7. Аблаева А. Т. *Своё и чужое* в поэтике Эрвина Умерова (на материале рассказа «Одиночество») / А. Т. Аблаева // Сборник докладов и тезисов III Международного тюркологического симпозиума «Прошлое – настоящее – будущее крымских татар». – Симферополь : Крымчпедгиз, 2014. – С. 106–108.

8. Аблаева А. Т. Крымскотатарская тема в творчестве Станислава Славича /

А. Т. Аблаева // Язык и культура: научный журнал. Вып. 16. – К. : Издательский дом Дмитрия Бураго, 2013. – Т. III (165). – С. 364–368.

9. Аблаева А. Т. Образы крымских татар как сюжетобразующий фактор в романе Ильи Сельвинского «О, юность моя!» / А. Т. Аблаева // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. Вып. 11. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2014. – С. 59–64.

10. Аблаева А. Т. Репрезентация образов крымских татар в русской прозе начала XX века / А. Т. Аблаева // Культура народов Причерноморья. – 2014. – № 273. – С. 127–130.

11. Аблаева А. Т. Экспликация оппозиции *своё – чужое* в романе В. Аксёнова «Остров Крым» / А. Т. Аблаева // Молодий вчений. – 2014. – № 9. – С. 74–76.

12. Аблаева А. Т. Крымскотатарская тема в творчестве Людмилы Улицкой / А. Т. Аблаева // Филология и литературоведение. – 2014. – № 6 (33). – С. 50 – 53.

13. Аблаева А. Т. Крымскотатарский мир в творчестве С. Сергеева-Ценского / А. Т. Аблаева // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. – Казань, 2015. – № 1. – С. 74–77.

14. Аблаева А. Т. Экспликация крымскотатарского мира в русской прозе дореволюционного периода (на материале рассказов А. Куприна и В. Короленко) / А. Т. Аблаева // Сборник статей международной исследовательской организации «Cognitio» по материалам V Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки XXI века» 3 часть, г. Москва. – С-П. : Международная исследовательская организация «Cognitio», 2015. – С. 18–22.

15. Аблаева А. Т. Станислав Славич – «печальник татарского Крыма» / А. Т. Аблаева // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. – 2015. – № 2. – С. 44–47.

16. Аблаева А. Т. Крымскотатарский мир в свете авторской философии истории в очерковой диалогии В. Короленко «В Крыму» / А. Т. Аблаева // Сборник научно-практических работ участников III Международного молодежного научно-образовательного фестиваля им. Л.Н. Толстого; сост. и науч. ред. Л. Е. Бушканец. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 152–168.

17. Аблаева А. Т. Крымскотатарский мир в прозе И.А.Бунина: ситуация встречи времен / А. Т. Аблаева // Вопросы русской литературы: научный филологический рецензируемый журнал. – 2016. – № 3 (36/93). – С. 3–12.